
ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Новые письма и челобитные Смутного времени из Троице-Сергиева монастыря и его вотчин

И. О. Тюменцев, Н. А. Тупикова

Для цитирования: Тюменцев И. О., Тупикова Н. А. Новые письма и челобитные Смутного времени из Троице-Сергиева монастыря и его вотчин // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 3. С. 935–948. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.317>

Вовлечение в научный оборот новых источников Смутного времени связано с насущной потребностью и актуальностью дальнейшего изучения одного из важнейших в истории России периодов жизни государства, исследования социально-сословных отношений, бытовых норм поведения, семейных и родственных связей на Руси в начале XVII в. Обращение к поставленной проблеме сопряжено также с необходимостью расширения лингвистикоисторических знаний о преднациональном развитии культурно-языковой ситуации и реальных фактах ее реализации в текстах, демонстрирующих варианты письменной и устной речевой культуры людей данной эпохи. Авторы статьи анализируют и публикуют три неизвестных письма из Троице-Сергиева монастыря, написанных во время его осады наемным войском сапежинцев в 1608–1610 гг., и три челобитные из монастырских вотчин, захваченных сапежинцами. Новые документы, недавно найденные в известных архивных собраниях, существенно пополняют «фонд» троицких бумаг русского архива «воровского» гетмана Яна Сапеги (1608–1611 гг.). Этот архив реконструирован коллективом волгоградских ученых в 2005 г., что открыло возможность дальнейшего целенаправленного разыскания документов. Обнаруженные источники подтверждают правильность примененной в коллективном исследовании методики и восполняют имеющиеся лакуны в информации о ситуации в монастыре. В письмах осажденных и челобитных содержатся как оценки происходивших

Игорь Олегович Тюменцев — д-р ист. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и Государственной службы при Президенте Российской Федерации, Российская Федерация, 400005, Волгоград, ул. Гагарина, 8; tijumencev@mail.ru

Igor O. Tyumentsev — Doctor in History, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 8, Gagarina str., Volgograd, 400005, Russian Federation; tijumencev@mail.ru

Наталья Алексеевна Тупикова — д-р филол. наук, проф., Волгоградский государственный университет, Российская Федерация, 400062, Волгоград, пр. Университетский, 100; tupikova195@mail.ru

Nataliya A. Tupikova — Doctor in Philology, Professor, Volgograd State University, 100, University av., 400062, Russian Federation; tupikova195@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2018

исторических событий непосредственными их участниками, так и сведения о частной жизни, связях конкретных лиц в рамках различных социальных групп населения, раскрываются детали многих ситуаций, сложившихся на территориях московских земель, занятых наемниками. Наблюдения дают основания сделать достаточно достоверные предположения о тяготах жизни и представителей известных фамилий, и простых русских людей, волею истории вовлеченных в перипетии Смуты. В исследовании показано также отражение тенденций составления документов в рамках сложившейся приказной практики и неофициального письменного общения в начале XVII в.

Ключевые слова: Смутное время, осада Троице-Сергиева монастыря, реконструкция русского архива Яна Сапеги, письма осажденных, челобитные, жизнь и быт различных слоев населения Руси.

Newly Discovered Letters and Petitions of the Time of Trouble from the Trinity Lavra of St. Sergius and its Patrimony

I. O. Tyumentsev, N. A. Tupikova

For citation: Tyumentsev I. O., Tupikova N. A. Newly Discovered Letters and Petitions of the Time of Trouble from the Trinity Lavra of St. Sergius and Its Patrimony. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2018, vol. 63, issue 3, pp. 935–948. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.317>

Introducing into scholarship new sources of the Times of Troubles is determined by the demands and relevance of the research regarding one of the most significant periods in the history of Russian, the study of social-class relations, norms of everyday behavior, and family and kinship ties in Russia at the beginning of the 17th century. The discussion of the issue in the paper also stems from the necessity of extending linguistic knowledge and knowledge of sources about pre-national development of the cultural and linguistic situations, and their manifestation in real texts demonstrating variants of written and oral language culture of this epoch. The authors have analyzed and published three unknown letters from the Trinity Lavra of St. Sergius written during its siege by the Sapieha 's mercenary army in 1608–1610, and three petitions from the monastic estates captured by Sapieha 's supporters. The new documents recently found in well-known archival collections add to the "fund" of Trinity papers of the Russian archive of "thievish" hetman Jan Sapieha (1608–1611). The archive was reconstructed by the team of Volgograd scholars in 2005, which opened up opportunities for search of documents. The discovered sources confirm the correct application of methodology and make up for the existing informative "gaps" concerning the situation in the monastery. Details of different events which took place in the territories of Moscow areas occupied by the mercenaries are described in the letters and petitions. The authors examine both historical events assessed by their immediate participants, and information on private life and connections between various social groups. The observations allow for quite verifiable suggestions concerning the hardships experienced by both noble and ordinary people during the Time of Troubles. The paper also shows the tendencies of compiling documents according to the established formal and informal practice of written communication at the beginning of 17th century.

Keywords: the Time of Troubles, the siege of the Trinity Lavra of St. Sergius, the reconstruction of the Russian archive of Jan Sapieha, the letters from the sieged territory, humble petitions, the everyday life of various layers of Russian population.

Вовлечение в научный оборот новых источников Смутного времени связано с насущной потребностью дальнейшего изучения одного из важнейших в истории России периодов жизни государства, исследования социально-сословных отноше-

ний, бытовых норм поведения, семейных и родственных связей на Руси в начале XVII в., а также продиктовано необходимостью расширения лингвистическо-ведческих знаний о преднациональном периоде развития культурно-языковой ситуации и реальных фактах ее реализации в текстах, демонстрирующих варианты письменной речевой культуры людей.

В 2012 г. мы опубликовали систематизированный основной массив выявленных документов из русского архива «воровского» гетмана Яна Петра Сапеги (1608–1611 гг.). В архиве мы выделили четыре основных раздела: 1) переписку с Лжедмитрием II, его окружением и центрами повстанческого движения; 2) грамоты, письма, челобитные приверженцев царя В. Шуйского, перехваченные сапежинцами, расспросные речи пленных и перебежчиков о действиях правительственных сил; 3) письма, отписки и челобитные из Замосковья и Поморья; 4) переписку с Сигизмундом III, С. Жолкевским, А. Гонсевским, частными корреспондентами в Речи Посполитой и войсковые документы.

С помощью дневника Яна Сапеги, в котором содержатся многочисленные упоминания, а кроме того, цитаты из документов, был составлен и опубликован подробный каталог выявленных и не найденных документов гетмана: «Русский архив Яна Сапеги 1608–1611 годов: опыт реконструкции и источниковедческого анализа»¹, который открыл возможность дальнейшего целенаправленного разыскания документов в библиотеках и архивах. В ходе подготовки первого издания «Русского архива Яна Сапеги 1608–1611 годов»² многие упоминаемые в каталоге документы были отысканы, что подтвердило правильность примененной методики.

За прошедшие шесть лет в Польше, Швеции и на Украине шведским филологом-архивистом Элизабет Лёфstrand³ и молодым российским историком Станиславом Мирским были найдены новые, не учтенные в наших изданиях сапежинские бумаги. С. В. Мирскому удалось существенно пополнить первый и четвертый разделы архива, отыскав неизвестные письма Лжедмитрия II и войсковые документы сапежинцев⁴, которые будут опубликованы нами в ближайшее время.

Наиболее значительные находки совершила, разбирая материалы архива Смоленской приказной избы в Государственном архиве Швеции, Элизабет Лёфstrand. Исследовательница выявила и оцифровала около тридцати документов сапежинцев, которые существенно дополнили материалы третьего раздела анализируемого архивного собрания: письма, отписки и челобитные жителей Замосковья и Поморья. Помимо этого, Э. Лёфstrand ввела в научный оборот три публикуемых ниже письма и три челобитные, которые относятся ко второму и третьему разделам реконструируемого архива Я. Сапеги — к перехваченным почтовым отправле-

¹ Тюменцев И. О., Мирский С. В., Рыбалко Н. В., Тушикова Н. А., Тюменцева Н. Е. Русский архив гетмана Яна Сапеги 1608–1611 годов: опыт реконструкции и источниковедческого анализа. Волгоград, 2005.

² Тюменцев И. О., Мирский С. В., Рыбалко Н. В., Тушикова Н. А., Тюменцева Н. Е. Русский архив Яна Сапеги 1608–1611 годов. Тексты, переводы, комментарии. Волгоград, 2012. С. 209–247.

³ Мы благодарны Элизабет Лёфstrand за информацию о сделанных ею находках и возможность первыми издать новые сапежинские документы в своих публикациях.

⁴ Мирский С. В., Тушикова Н. А., Тюменцева Н. Е. Новые документы Архива Я. П. Сапеги // Canadian-American Slavic Studies. 2014. Vol. 48, N 1–2. P. 179–211.

ниям сторонников Василия Шуйского и челобитным из вотчин Троице-Сергиева монастыря в Московском уезде.

Во втором разделе русского архива Яна Сапеги мы выделили несколько групп документов: 1) грамоты царя Василия Шуйского; 2) письма москвичей, расспросные речи перебежчиков и тушинских лазутчиков о ситуации в столице; 3) документы защитников Троице-Сергиева монастыря и расспросные речи пленников и перебежчиков; 4) памяти и росписи воевод из Коломны, донесения командиров отрядов наемников, расспросные речи лазутчиков и пленных; 5) отписки воевод, челобитные служилых людей из городов Литовской Украины, расспросные речи пленных и перебежчиков; 6) грамоты и отписки воевод и жителей Нижнего Новгорода; 7) грамоты кн. М. В. Скопина-Шуйского, донесения лазутчиков, расспросные речи пленных и перебежчиков о действиях возглавляемого воеводой правительственного войска. Публикуемые ниже письма осажденных относятся к третьей группе документов второго раздела.

В третьем разделе мы выделили следующие группы документов: 1) переписка с владимирскими воеводами; 2) отписки, челобитные и росписи из Вологды и Галицкого уезда; 3) донесения наемников, отписки воевод и челобитные жителей Костромы; 4) челобитные и отписки служилых людей и крестьян Московского уезда; 5) отписки муромских воевод; 6) челобитные и отписки жителей Переяславля-Залесского и Переяславского уезда; 7) челобитные и отписки служилых людей и духовенства из Пошехонья; 8) отписки и челобитные служилых людей и татар из Романа; 9) письма наемников, отписки воевод, челобитные ростовских служилых людей, посадских и крестьян; 10) письма наемников, отписки и сыскные дела воевод, челобитные жителей Суздаля; 11) письма, отписки и челобитные наемников, воевод и жителей из Углича и Угличского уезда; 12) отписки и челобитные воевод и жителей из Юрьева Польского; 13) отписки и челобитные воевод и жителей Ярославля. Челобитные крестьян написаны из волостей и сел Московского уезда, поэтому документы, адресованные самозванцу и «воровскому» гетману, относятся к четвертой группе материалов третьего раздела.

Благодаря прямым указаниям секретарей тушинского полководца о захвате троицких гонцов и почты, удалось установить, что не менее пяти раз в 1609 г. сапежинцам удавалось перехватить троицких гонцов в Москву: 3 (13) января, 19 февраля (3 марта), 1(11) апреля, в конце июня — начале июля и в ноябре. 28 грамот воевод и частных отписок из Троице-Сергиева монастыря, выявленных различными исследователями в результате многолетних архивных разысканий, были распределены по этим почтовым отправлением и затем нами опубликованы.

Вновь обнаруженные Э. Лёфstrand три письма из осажденного Троице-Сергиева монастыря, публикуемые ниже, дополняют реконструированный архивный фонд. Это письма царевны-инокини Ольги (в миру Ксении Борисовны Годуновой) бабушке; старицы Еуфимии зятю; попа Хотьковского монастыря Стефана священноиноку московского Спасского монастыря Кипреяну. Послание царевны-инокини датировано 29 марта (8 апреля) 1609 г. и текстологически почти полностью совпадает с письмом царевны-инокини княгине Домне Богдановне Ноготковой (№ 164), также от 29 марта (8 апреля) 1609 г.⁵ Соответственно, в архиве Сапеги новому

⁵ Тюменцев И. О., Мирский С. В., Рыбалко Н. В., Тупилова Н. А., Тюменцева Н. Е. Русский архив Яна Сапеги 1608–1611 годов. С. 209–247.

письму можно присвоить номер 164а (далее присвоенные номера даны в тексте в скобках). Эти два письма явно восходят к одному перехваченному сапежинцами почтовому отправлению. В 2016 г. петербургский историк Адриан Селин опубликовал фотокопию письма царевны-инокини⁶ вместе с ее аналогичным посланием из коллекции С. В. Соловьева⁷, которое было впервые опубликовано еще в XIX в.⁸

Интерес представляют адресаты данного письма, определение которых позволяет существенно уточнить семейные связи Годуновых. Сочетание титула, имени и отчества сына инокини Стефаниды довольно редкое для того времени — «князь Иван Семенович». В составленном А. П. Павловым алфавитном указателе членов Государева двора 1604–1645 гг.⁹ только двое князей Иванов Семеновичей являлись действующими лицами событий Смуты 1606–1611 гг.: Куракин и Лобанов-Ростовский. Жену князя Ивана Семеновича Куракина звали Гликерия¹⁰. К тому же во время правления Бориса Годунова он часто местничал с фаворитами правителя, а затем царя. Иное дело — князья Ростовские, которые находились в явном фаворе при Годуновых, а при царе Василии Шуйском стали пользоваться милостями только после женитьбы царя на Марии Петровне Буйносовой-Ростовской. Скорее всего, «бабушкой» Ксения Годунова называла княгиню Лобанову-Ростовскую.

Письмо старицы Еуфимии, судя по прямому указанию автора на то, что оно написано «после Петрова дни», восходит к почтовому отправлению, перехваченному сапежинцами в начале июля 1609 г. Примечательно, что из этого почтового отправления сохранилось довольно много частных писем (№ 168–179), в том числе и отписка Соломонида Ржевской, служительницы царевны-инокини Ольги (Годуновой)¹¹. Вероятно, старица Еуфимия входила в число «сестер» Хотьковского монастыря, укрывшихся в Троице-Сергиевом монастыре от нашествия сапежинцев вместе с королевной-инокиней Марией Владимировной Старицкой и царевной-инокиней Ксенией Годуновой. Интересна личность адресата письма старицы Еуфимии — Ивана Федоровича Богатырова. Иван Богатыров и его род среди членов Государева двора и служилых людей Смутного времени не упоминаются. Во вкладной книге Троице-Сергиева монастыря в рубрике «Москвичи торговые и всякие люди» имеется запись за середину 1575 г.: «Дал вкладу Иван Богатырев, образ Спасов Вседержителя обложен серебром, позолочен, в венце 3 камени вареники да 2 бирюзы, да 3 гривны, 2 плоских, третья витая, по полям святые»¹². Адрес письма свидетельствует, что И. Ф. Богатыров в то время был как-то связан с Казенным приказом, но среди приказных бюрократов ни он, ни его родственники нигде не упоминаются. Сделанное наблюдение дает основание предположить, что родствен-

⁶ Selin A. The Arkives of the Two Sapiieha Sand the Twolettersby Xenia Godunova // Пятый міжнародны конгрэс даследчыкан Беларусі. Працоўныя матэрыялы. Т. 5. Каунас, 2016. С. 71–76.

⁷ Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук. Кол. 124. Собр. С. В. Соловьева. Оп. 1. Карт. 2. Ед. хр. 278.

⁸ Акты исторические, издаваемые Археографической комиссией. Т. 2. СПб., 1941. С. 212–213. № 182.1.

⁹ Мы благодарны Андрею Павловичу за возможность использовать в наших разысканиях его многолетний, пока еще не опубликованный труд.

¹⁰ Петров Н. П. История родов русского дворянства. Т. 1. М., 1991. С. 359.

¹¹ Тюменцев И. О., Мирский С. В., Рыбалко Н. В., Тушикова Н. А., Тюменцева Н. Е. Русский архив Яна Сапеги 1608–1611 годов. С. 209–247.

¹² Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 216, 223.

ники старицы Еуфимии являлись не только служилыми людьми, получавшими жалование из чети, но и находились среди московских торговых людей.

Письмо хотьковского попа Стефана не датировано и хронологических реалий не содержит. Однако священник упоминается во вкладной книге Троице-Сергиева монастыря: «118 (1609) году декабря в день дал вкладу Хотьковского монастыря священник Стефан денег 20 рублей. И за тот вклад ево постригли, а по смерти тело ево погresti в дому Живоначальные Троицы»¹³. Судя по записи, автору письма удалось пережить осаду и стать иеромонахом освобожденной обители. Дата пострижения является верхней гранью датировки послания. Нижней хронологической гранью, видимо, следует считать начало 1609 г., когда сапежинцы ужесточили блокаду монастыря и начали перехватывать троицких гонцов. Поскольку автор прямо говорит, что много раз писал адресату, но вести до него не доходят, можно предположить, что послание, как многие другие частные письма, принадлежит к почтовому отправлению, перехваченному сапежинцами в июле (№ 179а). Какими-либо сведениями о священноиноке Кипреяне и упоминаемых авторами лицах мы не располагаем.

Публикуемые письма, или грамотки, относятся к переписке, служившей средством общения людей, связанных прежде всего родственными, порой семейными отношениями, сферой деятельности или служения, близостью по месту и/или времени проживания. Подобные послания имеют особое значение для лингвистического источниковедения¹⁴, так как в сравнении с иными текстами непосредственно отражают структуру и содержание неофициального общения, старую устную речь не писцов-профессионалов, а более или менее грамотных людей, выражающих свои мысли свободно и без оглядки на нормы приказного и церковнославянского языков.

В зачинах и концовках писем-грамоток просматриваются элементы стандартизации при использовании слов и выражений, «навеянных» церковной книжностью и приказным слогом: «Къ (г)рне моеі светъ бабушке <...> до(ч) <...> чело(м) бье(т). Буди, г(с)дрня, здарова на многие лета <...> А я тебе г(с)дрне свету много чело(м) бью»; «Зятю моему <...> вести прислала. Ка(к) тебя Бо(г) милуі(т) <...> и сына твоя <...> и надожы што на Бога да на тебя <...> да тебе ч[ело]ме на т[о] благслвение с[в]я[т]ы[е] къ тебе б[ъ]ю»; «Г(с)дрю моему <...> по(п) Стефанищо мно(г) чело(м) бье(т). А пожалуе(ш), гдрь,...<...> А я тебе, своему гдрю, мало пишу, а мно(г)о чело(м) бью. Да, гдр(е)мь, мои(м) <...> по великому челобитию». В концовках обращает на себя внимание употребление свойственной деловой письменности вплоть до XVII в. конструкции *инфинитив + Им. п. суш. ж. р. на -а*, которая была составной частью живого языка и использовалась для формулирования просьбы пишущего¹⁵, часто в стандартном окончании, завершающем послание, перед указанием на местонахождение и имя адресата: «Да(ти) ся грамо(т)ка на Казенно(м) дворе Ивану Богатырову»; «Дати грамотка на Мо(с)кве на Троецко(м) по(д)ворье Спа(с)

¹³ Там же.

¹⁴ Котков С. И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 1980. С. 155–181.

¹⁵ Владимирова Л. А. Употребление конструкции *отдать ся грамотка* в письменности XVII в. // История русского языка и лингвистическое источниковедение. М., 1987. С. 50–52.

каму игумену с(а) Сходни Кипреяну Макарьевичю». Данные примеры показывают усвоение пишущими исторически сложившихся формул эпистолярного этикета.

Основная часть текста грамоток, составляя главное содержание писем, сообщающих о судьбах близких и знакомых людей, о различных житейских обстоятельствах и тяготах, облекается в форму разговорной речи, что проявляется в переключении с одной темы на другую, не всегда мотивированную предшествующим контекстом, в употреблении экспрессивных фраз и обращений, в отражении стилистики простонародного непринужденно-бытового языка. Не ограничиваясь простым изложением дел, авторы грамоток иногда прибегают к эмоциональному повествованию с выразительными, окрашенными личным чувством изображениями особенно волновавших их событий, фактов, моментов. Это, помимо уровня грамотности, знания норм церковной и приказной традиций, объясняет в ряде случаев написание документов почерком, чтение которого более затруднительно в сравнении с иными документами (ср. письма старицы Еуфимии и попа Стефана).

В грамотках, адресованных близким людям, в особенности написанных женской рукой, получает отражение та среда общения, к которой принадлежит автор письма. Здесь встречаются свойственные как книжному литературному языку выражения: *пришли скорби великие смертныи, за гре(х) за н(а)шь шато(с)ть и измена великая*, так и сочетания элементов живого и книжно-письменного языков: *ногою ско[r]бе(н)*; *с кручины погибла*; *ни единой грамо(т)ки* и др. Обращают на себя внимание колоритные речевые элементы народной речи, «разговорности». В публикуемых документах примерами этого могут служить ласковое фольклорное обращение *свет*: *(госу)д(а)р(ы)не моеи светъ бабушке*; *тобе г(осу)д(а)р(ы)не свету*; разговорная фразеология: *чу(д) ж[и]ва*; *все обезножели*; *про моско(в)ское жи(т)е* и т. д. Особо следует выделить уменьшительное образование *лунка* с разговорным суффиксом *-к-* в письме старицы Еуфимии: «А жинку я было взяла, и [о]на уме(р)ла да (в) ину лу(н)ку». Слово *лунка* приводится историческими словарями в качестве значения древнерусского *лоуница* (совр. *лунница*)¹⁶, что, в свою очередь, определяется в литературе как «полумесяц»; форма полумесяца нашла воплощение в определенных видах монашеской обуви, и слово *лоуница* было известно на Руси по памятникам церковной письменности (см., например, «Устав студийский церковный и монастырский», конец XII или начало XIII в.). С рассматриваемым значением («неполная луна, полумесяц») в древнерусском языке зафиксировано также слово *месяц*, имеющее синоним — уменьшительное *луночка*¹⁷. Можно предположить, что в публикуемой грамотке мы имеем дело с отражением бытовавшего в устной речи народно-разговорного варианта названия неполной луны — *лунка* (т. е. *луночка, месяц*) — для обозначения недели, в которую произошла смерть родственницы.

Особый интерес представляет публикуемая ниже вместе с троицкими документами челобитная крестьян подмосковной троицкой волости Вохны Лжедмитрию II и гетману самозванца полковнику Я. П. Сапеге. Вплоть до конца XVI в. волость Вохна являлась дворцовой, но затем при Борисе Годунове была пожалована Троице-Сергиеву монастырю. Вохонские крестьяне были недовольны происшед-

¹⁶ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). В 10 т. Т. IV / гл. ред. Р. И. Аванесов. М., 1991. С. 435.

¹⁷ Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. В 3 т. Т. II, ч. I. М., 1989. С. 250–251 (репринт издания 1989 г.).

шим и яростно боролись со своим новым статусом. Кризис и ослабление центральной власти давали им надежду на успех. Именно поэтому в отличие от других крестьян троицких вотчин они активно поддержали Лжедмитрия II и тушинцев в их борьбе с царем Василием Шуйским и его приверженцами.

Рассмотрение данного источника дает основания заключить, что на прежний конфликт с властями по поводу передачи дворцовой волости в монастырское владение наложились действия московских властей, которые отправили из столицы «загонных людей» и до нитки обобрали подмосковных крестьян. Примечательно, что последующие грабежи казаков-тушинцев не вызвали у крестьян такого возмущения, как действия московских загонщиков. И в результате в лице вохонских крестьян самозванец и его окружение получили верных приверженцев, которые впоследствии неоднократно это подтверждали, перехватывая царских гонцов и воюя с отрядами ополчения «явственно». Потому никакие увещательные грамоты троицких властей не могли их отвратить от верной службы самозванцу.

В архиве Яна Сапеги сохранились (они были опубликованы нами) три документа, касающиеся Вохонской волости. Имеются в виду две отписки старосты и целовальников Вохонской волости Лжедмитрию II и Яну Сапеге от 17 (27) апреля и начала мая 1609 г. с известиями о поимке гонцов из Москвы (№ 220) и о попытке отряда владимирского ополчения прорваться в Москву (№ 221), а также увещательная грамота властей Троице-Сергиева монастыря крестьянам Вохонской волости об отправке челобитчиков в Москву для испрошения у царя Василия Шуйского помилования за измену, написанная около 9 (19) мая 1609 г. (№ 166).

В найденном Э. Лёфstrand и публикуемом ниже документе о «воровском боярине» Михаиле Ивановиче Вельяминове, тушинском воеводе во Владимире, говорится еще как о «городничем». Иными словами, будучи освобожден тушинцами из-под ареста, Вельяминов только-только возглавил городскую администрацию вместо схваченного под Ростовом Великим и затем казненного владимирского воеводы Третьяка Сеитова. Причем чин Вельяминова в «воровском» дворе и занимаемая должность не определены. Хорошо известно, что в ноябре 1608 г. самозванец пожаловал его в «бояре и воеводы». Сделанное наблюдение позволяет прийти к заключению, что документ написан осенью 1608 г. и является самым ранним из всех «вохонских» документов (№ 219а).

Принявшие участие в написании челобитной старост и священника подмосковного дворцового села Петровского с приселком Богородицким староста Митрошка Фролов и крестьяне села Муромского с деревнями, видимо, давно находились в зависимости от Троице-Сергиева монастыря и в отличие от вохонских крестьян своего нынешнего статуса не оспаривали. Они лишь вскользь пожаловались на «московских загонщиков», обиравших накануне длительной осады столицы подмосковные села. Крестьяне просили защитить их от двух основных бед: поборов ратных людей во время передвижения тушинских отрядов у столицы и грабежа солдат из разных рот наемных полков, включавших село в разные «приставства». Такая ситуация сложилась в селах и деревнях Подмосковья в конце 1608 г. Этим временем и следует, на наш взгляд, датировать челобитную. К сожалению, это единственная челобитная из данных сел в анализируемом «фонде» архива Я. Сапеги, и ее ценность в том, что она позволяет расширить географию земель, жители которых оставили описание своих бед (№ 221а).

К числу богатых вотчин Троице-Сергиева монастыря принадлежало село Барково, Вора и Корзенева стана Московского уезда с церковью Христова мученика Никиты (№ 217а). Челобитная попа этой церкви Василия (№ 6) — один из немногих дошедших до нас документов из захваченных сапежинцами уездов Замосковья и Поморья, относящихся к весне и лету 1609 г. (в нем упоминается Пасха, которая в тот год пришлась на 9 (19) апреля). К тому времени челобитчики уже не верили в способность тушинских властей спасти их от поборов, грабежей и насилия. Примечательно, что священник в отличие от предшествующих челобитных не просит одновременно Лжедмитрия II и Я. Сапегу о помощи, а слезно умоляет царя приказать Я. Сапеге дать на прокорм его семье корову.

Тексты челобитных отражают приказный язык в его периферийном бытовании¹⁸ и представляют собой деловые бумаги, изложение которых строилось по известным приказным схемам¹⁹. По структуре они имеют стандартный формуляр — три основные клаузулы: начальную, основную, заключительную. Начальная клаузула — формула обращения (адресат — адресант), употреблявшаяся в приказно-деловой речи, содержит уничижительную формулу, используемую, как правило, без вариантов: «Ц(а)рю г(с)дрю и великому кн(я)зю [NN] всеа Руси бью(т)/бье(т) челом [NN]». Челобитная крестьян Вохонской волости адресована также Яну Петру Сапеге. В первой и второй челобитных уничижительная формула содержит трафаретное уничижительное выражение *сероты тво(и)*, отсутствующее в третьей челобитной. Указанием на разновидность челобитья является во всех трех случаях глагол *плакаться*, обозначающий главный мотив послания: «бью(т) чело(м) и плачу(т)ца»; «бье(т) чело(м) и пла(че)тца». При этом первая и вторая челобитные представляют собой по содержанию жалобы в связи с нанесенными обидами, третья — просьбу, в скрытой форме заключающую намеки на причины того бедственного положения, в котором оказались жители на занятых наемниками территориях.

Основная часть текстов челобитных предполагает свободу выражения мысли, что определяет некоторое «творческое» отступление от стандартизированной формы, пространность или краткость изложения просьбы, написанной с осознанием собственной правоты, что регламентировалось правовыми кодексами XVI в., разрешавшими подачу челобитных на имя царя, хотя и регламентирующими данную процедуру.

Первая челобитная начинается непосредственно с жалобы адресанта — сообщения о произволе обидчиков: «мы грабленные о(т) моско(в)[ско]го загону и о(т) казако(в), хле(б) всяко(и) у на(с) повыве(з)ли»; авторы говорят также о наступивших для них последствиях: «п(р)око(р)мити(с) нече(м), ржи и о(в)са никакова да хлеба не(т)»; о конкретных причинах необходимости решения вопроса: «купи(ть) ни даду(т), а пытаю(т) у на(с) г(с)дрво(и) грамоты». Во второй челобитной содержательная структура основной части более развернута, поскольку сначала описываются все обстоятельства дела: «Е(з)дя(т) твои гдрвы црвы и великого кн(я)зя Дмитрея Ивановича всеа Руси разныя лито(в)ския и тота(р)ския и ру(с)ския люди в рота(х) для свои(х) гдрвы(х) и(з)м(е)ннико(в) моско(в)ски(х) люде(и). И мы твои(х) гдрвы(х) п(р)оешико(в), лошади их и люди, ко(р)мили по ся места»; за-

¹⁸ Крестьянские челобитные XVII в.: из собраний Государственного исторического музея. М., 1994. С. 6–7.

¹⁹ Памятники деловой письменности XVII века / под ред. С. И. Коткова. М., 1984. С. 4.

тем пишущие указывают основания жалобы, причины обращения с челобитьем: «приежаю(т) с окольны[х] се(л) и деревень приставы пахо(л)ки по хле(б) и по сено и ро(з)ве(з)ли у на(с) і ове(с) и я(ч)мень и сена по свои(м) приста(в)ства(м)»; и только потом говорится о нанесенной обиде по существу: «А которое у на(с) умолочено было ржи на хлебы, и то(т) хле(б) молоченое твои гдрвы и(з)м(е)нники моско(в)ския люди выграбили весь, и на(с), сиро(т) твои(х) гдрвы(х), переграбили».

В третьей челобитной пишущий сразу излагает свою просьбу по существу, не занимая внимания адресата описанием обстоятельств дела, поэтому в структуре текста основное содержание послания попа Василия содержится в заключительная клаузуле, где формулируется суть челобитья: «пока(жи) мл(с)ть, прикажи своему г(осу)д(а)р(е)ву воеводе (г)атману Ивану Петру Па(в)ловичю Сопеге, вели дати Б(о)га ра(ди) коро(в)ку»; указывается мотив обращения: «дати къ Светлому Христову воскре(с)е(н)ю коро(в)ку, чемъ ро(з)говети(с)». Можно предположить, что в скрытой форме в этом тексте имеется, во-первых, намек на то, что решить такой частный вопрос не представляется возможным, если обратиться не непосредственно к «царику», а к его гетману, уполномоченному самозванцем осуществлять власть на данной территории; во-вторых, содержится намек на условия повседневной жизни населения под властью Лжедмитрия II, выраженный неоднократным повторением слова *нищий* в коротком высказывании: «нищему б(о)гомо(л)цу робяти(ш)ка(м) малым дете(м)»; «нищи(м) на(м)».

Обращает на себя внимание то, что в третьей челобитной ярко представлена графическая дифференцированность скорописных «Ь» и «Ъ», что является довольно редким случаем, поскольку в XVII в. получил особое распространение прием, при котором при выносе в верхнее междустроиче конечного слога с «Ь» и «Ъ» эти графические единицы обычно опускали, а кроме того, в правописном узусе скорописи их не дифференцировали. Разграничение на письме «Ь» и «Ъ», как представляется, служит показателем особой выучки и общей культуры лица духовного звания, а также индивидуальных черт речевого строя писавшего.

Заключительная клаузула всех трех челобитных строится в соответствии с нормами формуляра. Она начинается либо с обращения формулой титулования и с указания адресата: «Ц(а)рь г(с)дрь и велики(и) кн(я)зь [NN] всея Руси»; либо только с титулования, когда адресат не назван: «Ц(а)рь и г(осу)д(а)рь». В первой челобитной наблюдается расширение этикетной формулы за счет определения «милостивый»: «М(и)лос(т)евы(и) ц(а)рь г(осу)д(а)рь и велики(и) кн(я)зь[NN] всея Руси». Концовка текста первой и второй челобитных включает также формулировку сути челобитья: «вилите, г(с)дрь, на(м) да(ти) свою цр(с)кую грамоту володиме(р)скому горо(д)ничиму»; «не вели, г(осу)д(а)рь, у на(с) достально[и] ржи окольны(м) приста(в)о(м) грабить». Во второй челобитной в заключительной клаузуле говорится также и о последствиях произвола наемников: «чтобы мы вконе(ц) не [по]гибли и голодную [смертью не умерли]». Скорее всего, такое расширение концовки объясняется дополнительным указанием на то, что наведение порядка с солдатскими приставствами позволит крестьянам обеспечивать не только свое содержание, но и «кормление» отрядов Лжедмитрия II во время осады монастыря.

Варианты просительных фрагментов тем не менее остаются в рамках традиционных элементов структуры формуляра, без экспрессивно окрашенных единиц, не свойственных деловой речи, что свидетельствует о проявлении общей тенден-

ции к строгой приказной регламентации документа. Завершающий конечный протокол заключительной клаузулы в публикуемых челобитных представляет собой наиболее употребительную и распространенную стандартизированную формулу — побудительную конструкцию с глаголами *смиловаться*, *пожаловать*, которая используется при обращении к «царю»-самозванцу: «Ц(а)рь г(осу)д(а)рь смилу(и) ся пожалу(и)»; «ц(а)рь г(осу)д(а)рь и велики(и) кн(я)зь»; «Ц(а)рь и г(осу)д(а)рь, смилу(и)ся пожалуи». В целом тексты публикуемых челобитных отражают общие правила составления такого рода деловых бумаг и нормы, узואльно сложившиеся в приказной практике.

Фотокопии найденных документов, к сожалению, не дают возможности проанализировать водяные знаки используемой бумаги. В печатном воспроизведении рукописных документов сплошной текст разделяется на слова, выносные буквы вводятся в строку в круглых скобках, утраченные элементы восполняются в современном правописном виде, восстановленные по смыслу лакуны (фрагменты, пострадавшие от механических повреждений) приводятся в квадратных скобках. Не употребляемые в настоящее время буквы заменены современными, кроме «ъ», «ь», «і», используемых для старой письменности. С прописной буквы воспроизводятся все имена собственные.

Издаваемые документы позволяют почерпнуть дополнительную информацию к исследованиям, посвященным истории обороны Троице-Сергиева монастыря²⁰ и движения Лжедмитрия II²¹.

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ 1. 1609 года 29 марта (8 апреля). Письмо царевны-инокини Ольги (Годуновой) из Троице-Сергиева монастыря в Москву бабушке Стефании Андреевне с вестями о себе и о положении осажденных.

Къ (госу)д(а)р(ы)не моеі светъ бабушке Стефаниде О[н]дрее(в)не Борисова до(ч) Федоровичіе Годунова чело(м) бье(т). Буди, г(осу)д(а)р(ы)ня, здорова на многие лета с с(ы)номъ свои[м] с кня(з)[ем] Ивано(м) Семеновичемъ и с невесткою с княгинею Аленю Ивановною. Пожалуі, г(осу)д(а)р(ы)ня, пиши ко мне о свое(м) здаро(в)е, а мне про ваш[е] здаро(в)я, слышив, радовати(с). А похоче(ш) про меня ведать, я у Живонача(л)ные Троицы в осаде (с) ма(р)та по 29 в свои(х) беда(х) чу(д) ж[и]ва со всеми старицами, коне(ш)но, бо(л)[на], а впре(д), г(осу)д(а)р(ы)ня, ни[к]то не чае(т) себе живата. Зде(с) у на(с) за гре(х) за н(а)шь шато(с)ть и измена великая, да у на(с) з же в осаде моровая пов(е)трея, пришли на всяки(х) людеи скорби великие смертные. А всякоі днь хороня(т) мертвы(х) чла(в)ъ по дваца(т) и по трицати и бо(л)ши. Которые люди по ся месте остались, и те собою не владеють, все обезножели. Да пожалу(и), г(осу)д(а)р(ы)ня, о(т)пиши ко мне про моско(в)ское жи(т)е, про все подлинно, что у ва(с) деяца. А я тебе г(осу)д(а)р(ы)не свету много чело(м) бью.

Оригинал. Написан на 1 листе бледно-коричневыми чернилами. Видимо, был сложен пакетом. По сгибу был оборван. Лист покрыт небольшими бурыми пятнами от воды. Дефектные места реставрированы. Внизу листа — следы от печати.

Stokholm. Riksarkivet. Ryskabrev. E 8610. PEА 34.

²⁰ Тюменцев И. О. Оборона Троице-Сергиева монастыря в 1608–1610 годах. М., 2007.

²¹ Тюменцев И. О. Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. М., 2008.

№ 2. 1609 года 29 июня (9 июля). Письмо старицы Еуфимии зятю И. Ф. Богатырову из Троице-Сергиева монастыря в Москву с вестями о себе и близких с просьбой добиться жалования для внуков.

Зятю моему Ивану Богатырову Федоровичу старица Еуфимия вести прислала. Ка(к) тебя Бо(г) милу(т) и Да[рь]ю Федорвну и сына твоя Ле(к)сея. А про меня спроси(ш) и я по Пе(т)ровь де(н) да(л) бо(г) здоро(во) и Офонасывы дети Ко(с)тя(н)ти(н) да Лево(н)т(и)е да Ма(р) [ф]а, а Орина да Мо(т)рона умерла. Да не де(р)жите без ве(с)ти. А про Бо(г)дана я не ведаю. Да пожалу(и), Федорови(ч), побе(и) чело(м) Офона(с)еве жаловане о че(т)верно(м) о Костантине да о Лево(н)тие да о(т)пиши ко мне опят, да о Прасковей о Федоровны здорово ли ноне. А жинку я было взяла, и [о]на уме(р)ла да (в) ину лу(н)ку²². Да не до(р)жите сте бе(з) вести о свое(м) здоровье. А я с кручины погибла, сте толко на(м) и надожы, што на Бога да на тебя, да и Офана(с)евы(м) детя(м) да тебе ч[ело]м на т[о] благслвление с[вя]ты[е] къ тебе б[ъ]ю.

Адрес на обороте: Да(ти) ся грамо(т)ка на Казенно(м) дворе Ивану Богатырову.

Оригинал. Написан на 1 листе в четверку темно-коричневыми чернилами старческим, плохо читаемым почерком. Был сложен пакетом.

Stockholm. Riksarkivet. Ryskabrev. E 8610. PEA 35, 45 v.

№ 3. 1609 год, начало июля? Письмо попа Хотькова монастыря Стефана из Троице-Сергиева монастыря в Москву на Троицкое подворье игумену Спасского монастыря на Сходне Кипреяну с вестями о себе и своих близких.

Г(осу)д(а)рю моему священ(н)оинокую Ки(п)реяну Мака[рь]евичю Хо(т)кова мн(с)тря по(п) Стефанищо мног(о) чело(м) бье(т). А пожалуе(ш), г(осу)д(а)рь, спроси(ш) про на(с), мы, г(осу)д(а)рь, по сяко(в) ча(с) да(л) Бо(г) живы. Да писа(л) я к тебе, своему г(осу)д(а)рю, многа(ж) ды, а ты, г(осу)д(а)рь, ко мне не пожалуе(ш) ни единой грамо(т)ки не о(т)пишо(ш), не весть до тебя доходя(т), не весть не(т). Про тетку я писа(л) и про О(в)дотю, что и(х) не стало и детей О(в)до[ть]ен(ых), а са(м) я ногою ско[р]бе(н). Да дод(ч)а у меня Пашу(т)ка неможе(т). А я тебе, своему г(осу)д(а)рю, мало пишу, а мно(г)о чело(м) бью. Да, г(осу)д(а)р(е)мь, мои(м) Белянице Клеме(н)тиевичю и Сергию Дми(т)реевичю и Ивану Ивановичю, [Ива]ну Архиповичю и Тре(т)яку Михайловичю и с [жен]ями и з де(т)ми по великому челобитию.

Адрес на обороте: Дати грамотка на Мо(с)кве на Троецко(м) под(в)орье Спа(с)каму игумену с(а) Сходни Кипреяну Макарьевичю.

Оригинал. Документ написан на 1 листе в четверку черными чернилами. Был сложен пакетом, на листе желтые пятна от воды. Адрес написан на обороте.

Stockholm. Riksarkivet. Ryskabrev. E 8610. PEA 33 r-v.

№ 4. Осень 1608 года. Челобитная Лжедмитрию II и Я. П. Сапеге крестьян Вохонской волости Московского уезда с просьбой разрешить покупать хлеб во Владимире на Клязьме.

Ц(а)рю г(осу)д(а)рю и великому кн(я)зю Дмитрею Ивановичю всеа Руси и е(го) мости Яну Пе(т)ру Па(в)ловичю Сапеге бью(т) чело(м) и плачу(т)ца сероты тво(и) г(осу)д(а)р(е)вы

²² Речь, по-видимому, идет о предыдущей лунной неделе от Петрова дня.

Моско(в)ско(го) уе(з)ду воло(с)ти Во(х)ны старо(с)та Аре(с)тко Труфано(в) да целова(л)неки Горасе(м)ко Оме(л)но(в) да Са(в)ка Бабури(н) и во (в)се(х) кр(с)тея(н) место воло(с)ти Во(х)ны. Люди(ш)ка, г(осу)д(а)рь, мы грабленные о(т) моско(в)[ско]го загому и о(т) казако(в), хле(б) всяко(и) у на(с) повыве(з)ли и на(м), г(осу)д(а)рь, п(р)око(р)мити(с) нече(м), ржи и о(в)са никакова да хлеба не(т). А купи(т), г(осу)д(а)рь, мы в Володимер(р) е(з)дили хлеба, и на(м), г(осу)д(а)рь, купи(ть) ни даду(т), а пытаю(т) у на(с) г(осу)д(а)р(е)во(и) грамоты. Ц(а)рь г(осу)д(а)рь и велики(и) кн(я)зь Дмитре(и) Иванови(ч) всяя Руси²³ и е(го) мость Пе(т)рь Па(в)лови(ч) Сапега, вилите, г(осу)д(а)рь, на(м) да(ти) свою ц(а)р(с)кую грамоту володимер(р)скому горо(д)ничему Миха(и)лу Ивановичу Ве(л)яминову. М(и)лос(т)евы(и) ц(а)рь г(осу)д(а)рь и велики(и) кн(я)зь Дмитре(и) Иванови(ч) всяя Руси, смилу(и)ся пожалу(и).

Оригинал. Написан на 0,5 става гусиным пером темно-коричневыми чернилами четким почерком. Был свернут свитком.

Stokholm. Riksarkivet. Ryskabrev. E 8610. PEA 53.

№ 5. 1608 год, осень. Челобитная старост подмосковного дворцового села Петровско-го с приселком Богородицким К. Кородавова и попа Василия, старосты троицкого села Муромцева М. Фролова Лжедмитрию II с просьбой не брать у них хлеб, оставшийся после разорения московскими загонщиками и тушинскими казаками.

Ц(а)рю Г(осу)д(а)рю и великому кн(я)зю Дмитрею Ивановичю всеа Руси бь(ют) чело(м) и плачюца сироты твои г(осу)д(а)ревы Моско(в)ско(г) уе(з)да твое(г) г(осу)д(а)р(е)ва два(р)цво(г) села Петро(в)ско(г) и присе(л)ка Бгоро(д)ицко(г) нищи(и) твои(и) г(осу)д(а)р(е)вь бгомоле(ц) Покр(а)ва Св(я)т(ы)е Бгоро(д)це по(п) Васильеще да старостишко Кона(н) Кородаво(в) да Трое(ц)ко(г) Се(р)гиева монастыря вочины села Муром(м)цва и дере(в)нями²⁴ староста Митро(ш)ка Фроло(в) и во вси(х) села Петро(в)ске(г) и села Муром(м)цва достальны(х) кр(ст)янишик место. Е(з)дя(т) твои г(осу)д(а)рвы ц(а)р(е)вы и великого кн(я)зя Дмитрея Ивановича всеа Руси разныя лито(в)ския и тота(р)ския и ру(с)ския люди в рота(х) для свои(х) г(осу)д(а)р(е)вы(х) и(з)м(е)ннико(в) моско(в)ски(х) люде(и). И мы, сироты твои(и) г(осу)д(а)р(е)вы, твои(х) г(осу)д(а)р(е)вы(х) п(р)оещико(в), лошади их и люди, ко(р)мили по ся места. Да к на(м) же сирота(м) твои(м) г(осу)д(а)р(е)вы(м) приежаю(т) с окольны[х] се(л) и деревень приставы пахо(л)ки по хле(б) и по сено и ро(з)ве(з)ли у на(с), сиро(т) твои(х) г(осу)д(а)р(е)вы(х), i ове(с) и я(ч)мень и сена по свои(м) приста(в)ства(м). А которое, г(осу)д(а)рь, у на(с) умолочено было ржи на хлебы, и то(т) хле(б) молоченое твои г(осу)д(а)р(е)вы и(з)м(е)нники моско(в)ския люди выграбили весь, и на(с), сиро(т) твои(х) г(осу)д(а)р(е)вы(х) переграбили. Милосе(р)дны г(осу)д(а)рь ц(а)рь и велики(и) кн(я)зь Дмит[р]е(и) Ивановичъ всеа Руси, пожалу(и) на(с), сиро(т) свои(х), не вели, г(осу)д(а)рь, у на(с) достально[и] ржи окольны(м) приста(в)о(м) грабить, чтобы мы, сироты твои г(осу)д(а)р(е)вы, вконе(ц) не [по]гибли и голодною [смертью не умерли. Ц(а)рь] г(осу)д(а)рь, [смилуи]ся пожалуи.

Оригинал. Написан на 1 ставе гусиным пером светло-коричневыми чернилами, четким почерком. Был свернут свитком.

Stokholm. Riksarkivet. Ryskabrev. E 8610. PEA 49.

²³ Два слова вписаны над строкой.

²⁴ Добавление «и дере(в)нями» написано над строкой.

№ 6. 1609 г., начало апреля. Челобитная троицкого села Боркова Никитской церкви попа Василия Лжедмитрию II с просьбой дать ему к Пасхе корову.

Ц(а)рю Г(осу)д(а)рю и великому Кн(я)зю Дми(т)рею Ивановичю всяя Руси бье(т) чело(м) и пла(че)тца б(о)гомол(е)ц) твои г(осу)д(а)р(е)вѣ села Боркова Ники(т)цкои по(п) Васи(л)ище. Милостивьи ц(а)рь и г(осу)д(а)рь и великий кн(я)зь Дмитрей Ивановичи(ч) всяя Руси, пока(жи) мл(с)ть, прикажи своему г(осу)д(а)р(е)ву воеводе (г)атману Ивану Петру Па(в)ловичю Сопеге, вели дати Б(о)га ра(ди) своему нищему б(о)гомол(л)цу робяти(ш)ка(м) малым дете(м) къ Светлому Христову воскре(с)е(н)ю коро(в)ку чемъ нищи(м) на(м) ро(з)говети(с). Ц(а)рь и г(осу)д(а)рь, смилу(и)ся пожалуи.

Оригинал написан на 0,35 става гусиным пером коричневыми чернилами четким почерком. Был свернут свитком. Верхнее поле сзади испачкано.

Stockholm. Riksarkivet. Ryskabrev. E 8610. PEA 332.

References

- Vladimirova L. A. *Upotreblenie konstruktivnoy otdat' sia gramotka v pis'mennosti XVII v. Istoriiia russkogo iazyka i lingvisticheskoe istochnikovedenie*. Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 50–52. (In Russian)
- Kotkov S. I. *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriiia russkogo iazyka*. Moscow, Nauka Publ., 1980, 293 p. (In Russian)
- Mirskii S. V., Tupikova N. A., Tiumentseva N. E. *Novye dokumenty Arkhiva Ia. P. Sapegi. Canadian-American Slavic Studies*, 2014, vol. 48, no. 1–2, pp. 179–211. (In Russian)
- Petrov N. P. *Istoriiia rodov russkogo dvorianstva*. Vol. 1. Moscow, "Sovremennik" Publ., 1991, 430 p. (In Russian)
- Selin A. *The Arkives of the Two Sapiha Sand the Twolettersby Xenia Godunova. Piaty mizhnarodny kongres dasledchykan Belarusi. Pratsounyia materialy*. Vol. 5. Kaunas, Vytautas Magnus University Press, 2016, pp. 71–76.
- Sreznevskii I. I. *Slovar' drevnerusskogo iazyka*. In 3 vols. Vol. II, part I. Moscow, Kniga Publ., 1989, 851 p. (In Russian)
- Tiumentsev I. O. *Oborona Troice-Sergieva monastyrii v 1608–1610*. Moscow, CEJHAUS Publ., 2007, 66 p. (In Russian)
- Tiumentsev I. O. *Smuta v Rossii v nachale XVII stoletiiia: dvizhenie Lzhedmitriia II*. Moscow, Nauka Publ., 2008, 686 p. (In Russian)
- Tiumentsev I. O., Mirskii S. V., Rybalko N. V., Tupikova N. A., Tiumentseva N. E. *Russkii arkhiv getmana Iana Sapegi 1608–1611 godov: opyt rekonstruktsii i istochnikovedcheskogo analiza*. Volgograd, Volgograd State University Press, 2005, 340 p. (In Russian)
- Tiumentsev I. O., Mirskii S. V., Rybalko N. V., Tupikova N. A., Tiumentseva N. E. *Russkii arkhiv Iana Sapegi 1608–1611 godov. Teksty, perevody, kommentarii*. Volgograd, Volgogradskii filial FGBOUVPO "Rossiiskaia akademiia narodnogo khoziaistva i gosudarstvennoi sluzhby" Publ., 2012, 688 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 3 апреля 2018 г.

Рекомендована в печать 31 мая 2018 г.